

ДВЕ ПОВЕСТИ В СТИХАХ «БАЛ» Е.А. БАРАТЫНСКОГО И «ГРАФ НУЛИН» А.С. ПУШКИНА (К ИССЛЕДОВАНИЮ ДИАЛОГА ДВУХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ)

В статье рассматривается один из аспектов проблемы творческого диалога А.С. Пушкина и Е.А. Баратынского. Поводом для исследования послужила совместная публикация поэм «Бал» и «Граф Нулин» в книге «Две повести в стихах» (1828). В центре внимания оказываются параллели, возникшие в результате объединения произведений в одно издание, а также особый характер такой переклички.

Диалог, романтизм, романтическая поэма, повесть в стихах, романтический герой, современники, конволют.

The article highlighted one of the aspects of the problem of the constructive dialogue between A.S. Pushkin and E.A. Baratynskiy. The reason for the research was the co-publication of poems "The Ball" and "Count Nulin" in the book "Two verse novels" (1828). The article focuses on the parallels arising as the result of the co-publication of the literary works in one edition as well as particular characteristics of such a dialogue.

A dialogue, romanticism, a poem, a novel, a romantic character, contemporaries, convolute.

Введение

Обращение к анализу художественного текста сопряжено с вопросом о выборе исследовательского метода. Если целью научных разысканий поставить точность и доказательность, то наиболее актуальной, с нашей точки зрения, является методика конкретного литературоведения (Д.С. Лихачев) [6, с. 197]. Такой подход предполагает поиск взаимообусловленности литературы и реальности, восприятие литературного произведения не только в рамках художественного текста, но и за его пределами, четкое следование фактам, сохранение филологической культуры. Особенно важен данный метод для сопоставительного анализа, так как помогает отсеять ненужные, кажущиеся, соответствия и в результате избежать «субъективизма», «генерации идей и обобщений» [См.: 6, с. 198]. В данной статье рассматривается реализация такого подхода на примере сопоставительного анализа двух повестей в стихах «Бала» Е.А. Баратынского и «Графа Нулина» А.С. Пушкина.

Пушкин и Баратынский – поэты, имена которых в сознании современников были неразрывно связаны. Хотя Е.А. Баратынский, как и многие другие, вошел в число авторов, составивших «пушкинский круг», его личность и творческая судьба занимают в этой плеяде особое место. По словам С.Г. Бочарова, ни к кому из современников Пушкин «не относился с таким напряженным вниманием и никого не ставил так высоко» [3, с. 78]. И действительно, поэт следил за выходом новых стихотворений и поэм Баратынского, упоминал о нем в своих заметках, письмах, текстах произведений. Баратынский – «один из центральных героев в пушкинском критическом наследии» (1827–1830 гг.) [5, с. 163]. Станным образом судьбы поэтов удивительно симметричны по отношению друг к другу [см.: 4, с. 94–98].

Основная часть

Современники видели в Баратынском поэта, равного по своему творческому потенциалу Пушкину. И

поэтому публикация книги «Две повести в стихах» (1828) не стала случайным событием. Это был издательский конволют, включивший в себя часть тиража «Графа Нулина» (СПб., 1827) и первое издание произведения Баратынского (СПб., 1828). Каждая поэма имела свой отдельный заглавный лист, к каждой прилагалось свое цензурное разрешение [см.: 4, с. 92–93]. История публикации «Двух повестей в стихах» содержит много неясностей и загадок.

Во-первых, неизвестно, кому из четырех человек, причастных к созданию конволюта (авторам Е.А. Баратынскому, А.С. Пушкину или издателям А.А. Дельвигу, П.А. Плетневу) принадлежит идея объединения двух «повестей в стихах» в одну книгу и вариант названия. Вероятно, книга появилась по инициативе издателей. Вполне возможно, что целью такой публикации был коммерческий интерес: «Граф Нулин», уже знакомый читателям, будет раскупаться не слишком активно, и выход его с «Балом», известным публике только по отрывкам, увеличит внимание к изданию [см.: 4, с. 92–93].

Во-вторых, не менее важной оказывается вынесенная в заглавие книги проблема жанра. «Бал» и «Граф Нулин» – «повести в стихах» или «поэмы». Сами авторы называли свои произведения и «повестями, и поэмами» [4, с. 98], т.е. эти жанровые формы воспринимались поэтами как синонимичные. По свидетельству М.Н. Виролайнен, такое понимание было характерным для 1820-х гг.: «...определение "стихотворная повесть" использовалось практически в том же смысле, что и "поэма", – если, конечно, речь шла о ее новой, восходящей к Байрону романтической вариации, решительно отличавшейся от поэмы в ее прежнем, классицистическом понимании» [4, с. 98]. В этом отношении становится возможным жанровое определение «Бала» и «Графа Нулина» и как «повестей в стихах», и как «поэм».

В-третьих, известно, что сами авторы поэм совместной публикации заранее не задумывали, издание «Двух повестей» в их творческие планы не вхо-

дило. В письмах и документах поэтов никаких упоминаний об этом намерении нет. Да и истории создания произведений расходятся.

Указанные факты исключают возможность непосредственного творческого диалога авторов «Бала» и «Графа Нулина» в процессе работы над поэмами и подготовки текстов к печати. Однако следует отметить, что в создании конволюта принимали участие единомышленники, которые понимали, «какого рода художественное целое возникло в результате объединения двух поэм» [4, с. 93]. Поэтому можно предположить, что книга «Две повести в стихах» – это еще одно проявление творческого союза Пушкина и Баратынского. Случайность, которая стала закономерной в общем движении их творческой мысли. С этой точки зрения, объединение «повестей в стихах» представляет собой некий знак, послание читателю, в котором заключается определенный замысел. Вопрос в том, какое именно содержание объединило столь непохожие друг на друга произведения, какие смыслы получают поэмы, оказываясь, благодаря издателям, в новом контексте.

Решение этой проблемы пытались найти уже современники поэтов, воспринявшие публикацию «Двух повестей в стихах» по-разному. Наряду с восторженными отзывами («Московский Телеграф», «Северная Пчела», «Бабочка») появились отрицательные оценки (еще один факт, связавший судьбы поэм и их авторов). Критика «Вестника Европы», «Атеней», «Дамского Журнала» говорила о неприемлемости в литературе произведений, в основу сюжета которых положены безнравственные поступки героев (флирт, измена) [см.: 1, с. 96].

В многочисленной научной литературе, посвященной «Балу» и «Графу Нулину», также не раз поднимался вопрос о важности и закономерности объединения поэм. А в 2012 г. вышла книга, воспроизводящая конволют 1828 г. (серия «Литературные памятники»). Однако подробного сопоставительного анализа «Бала» Баратынского и «Графа Нулина» Пушкина нам найти не удалось. Если суммировать и обобщить упоминания и суждения исследователей по поводу поэм Баратынского и Пушкина, то можно выявить следующие точки соприкосновения двух произведений: структура романтической поэмы (преодоление или трансформация жанра), тематика (изображение светской жизни), образы центральных персонажей (поиск новых способов раскрытия характера и появление нового героя), разнотипность повествования (соединение в одном произведении высокого и низкого, поэзии и бытописания), взаимопроникновение жанров (ироикомическая поэма, элегия, послание, романтическая поэма, анекдот, водевиль), композиция поэм (в частности, значение финала), соотносимость с литературным контекстом (в особенности, с главами из «Евгения Онегина» Пушкина), роль произведений Баратынского и Пушкина в литературном процессе.

Особого внимания заслуживает порядок расположения поэм в книге «Две повести в стихах»: «Бал» – в начале, «Граф Нулин» – в конце. Такая последовательность повестей не совпадала с датировкой. «На титульном листе поэмы Пушкина стояла дата

«1827», на титульном листе поэмы Баратынского – «1828» [см.: 4, с. 92, 93]. Одна из главных функций структуры художественного целого заключается в выражении авторской точки зрения. Следовательно, в расположении текстов, возможно, как раз и содержится суть замысла издателей. Вероятно, она связана с реализацией разных взглядов авторов на перспективы развития русской романтической поэмы. В этом отношении основной задачей нашего исследования будет поиск элементов, характерных для романтического стиля, и контекстное их окружение. Наиболее ярко романтическая стилистика проявляется на лексическом уровне. Таким образом, предметом исследования станет лексика интересующих нас текстов.

В качестве образца для создания «Бала» Баратынский, как и другие поэты-романтики, берет «восточные» поэмы Байрона. Следование такой традиции наиболее ярко проявляется на уровне сюжета. Основные его элементы обозначены Ю.В. Манном: «особое положение центрального персонажа», «отчуждение», «любовь», «возвращение» [7, с. 32–33]. Каждый из этих признаков романтического сюжета в тексте Баратынского преобразуется.

Необычен уже сам фон, на котором происходит действие. Он представлен в экспозиции на лексическом уровне. Тихий и в то же время эмоциональный слог Баратынского рисует не экзотическую картину дальних стран, как это было в произведениях Байрона, а знакомую каждому светскому человеку жизнь столицы, точнее, одно из явлений столичной культуры – светский бал:

Глухая полночь. Строем длинным,
Осеребренные луной,
Стоят кареты на Тверской
Пред домом пышным и старинным.
Пылает тысячью огней
Обширный зал; с высоких хоров
Ревут смычки; толпа гостей;
Гул танца с гулом разговоров [2, с. 336].

Само обращение к изображению быта, привычек, правил поведения, принятых в высшем обществе, было характерно для современной обоим поэтам литературы («*Картины светской жизни также входят в область поэзии...*» (Пушкин в письме к К. Ф. Рылееву) [цит. по: 1, с. 94]). В экспозиции поэмы Баратынского отчетливо обозначена тенденция, которая сохраняется на протяжении всего повествования: сочетание романтического колорита и бытописания. Слова-маркеры романтического стиля («полночь», «луна») соседствуют со словами, четко обозначающими место действия поэмы и погружающими читателя в привычную ему атмосферу светского бала («кареты», «зал», «хоры», «смычки», «гости», «танец», «разговор», упоминание о Тверской улице).

Для поэмы Пушкина, так же, как и для «Бала» Баратынского, характерна переключка с романтическими произведениями Байрона. На одну из параллелей прямо указывает сам поэт в письме к П.А. Плетневу (март 1826 г.), где поэма названа автором «повестью в роде “Верро”» [цит. по: 4, с. 167]. «Верро»

следует читать как «Беппо» Байрона (1818): «шутливая ироническая поэма с новеллистическим содержанием и многочисленными авторскими отступлениями» [цит. по: 4, с. 167–168]. Включенность «Графа Нулина» в контекст иронической «повести» Байрона задает направление всему повествованию. Это целенаправленное высмеивание и пародирование серьезного и возвышенного тона «восточных» поэм, а также их структуры. Кроме того, стихотворная повесть Пушкина – это и «самопародия» автора на Южные поэмы, в особенности на «Кавказского пленника» [см.: 4, с. 169–170]. Если Баратынский в «Бале» продолжает и трансформирует традицию «восточной» романтической поэмы, то Пушкин отталкивается от нее.

Эта тенденция проявляется на лексическом уровне в самом начале повествования – в экспозиции поэмы, т.е. Пушкин, как и Баратынский, уже в первых строках своего произведения обращает внимание читателя на новое звучание знакомой романтической формы. Создатель «Графа Нулина», подобно Баратынскому, меняет фон, на котором происходит действие. Если в «Бале» экзотике Востока противопоставлена светская жизнь столицы, то в «Графе Нулине» описаниям «экзотического колорита» «восточных» и «южных» поэм противопоставлен «местный колорит» русской провинции [см.: 4, с. 171], а, точнее, тема осенней природы:

В последних числах сентября
(Презренной прозой говоря)
В деревне скучно: грязь, ненастье,
Осенний ветер, мелкий снег,
Да вой волков... [8, с. 237]

Рассказчик «Графа Нулина», подобно повествователю «Бала», с помощью лексики отсылает память читателя к знакомому контексту. Современникам поэта «не нужно было объяснять, почему осенью, скучной на радости и развлечения, в деревне скучно» [см.: 9, с. 17]. Бытовые детали («грязь», «ветер», «снег», «вой волков») словно бы разясняют значение слова «скучно» и как будто бы снижают поэтичность повествования, приближая его к «презренной прозе». Однако в значение слова «скучно», созвучного описанию осеннего ненастья, вложены и личные переживания биографического автора (пребывание в Михайловском). Такая «смысловая избыточность» [10] вносит в текст Пушкина лирическое начало, чего не было в произведении Баратынского. На страницах поэмы наряду с повествователем существует образ автора, близкий по своему мировосприятию автору биографическому (как и в романе «Евгений Онегин»).

Обозначение места действия в текстах Баратынского и Пушкина (светские гостиные или усадьбы мелкопоместных дворян) соотносится образами центральных персонажей. Основным способом раскрытия этих образов также становится лексический уровень. Главным героем «Бала», согласно традиции романтизма, должен стать мужской персонаж. Таким героем мог бы быть Арсений. Образ Арсения трактуется в поэме как «исключительная личность». Это

значение передано через портрет («Следы мучительных страстей, следы печальных размышлений носил он на челе; в очах беспечность мрачная дышала...» [2, с. 340]), а также через описание приверженности героя к светской жизни. В домах московских дворян Арсений свой человек:

Он в разговоре поражал
Людей и света знаньем редким,
Глубоко в сердце проникал
Лукавой шуткой, словом едким,
Судил разборчиво певца,
Знал цену кисти и резца... (курсив мой – Е.И.)
[2, с. 340]

Вновь в тексте стихотворной повести сталкивается традиционная романтическая лексика («мучительных страстей», «печальных размышлений», «беспечность мрачная», «чело», «очи») и слова из обихода светского человека («знаньем редким», «лукавой шуткой», «словом едким»). Это приводит к трансформации и расширению значения образа. Арсений не просто отчужденный от мира, разочарованный герой, он и сердцеед, и ценитель искусства, и остро слов. Работая над образом персонажа, Баратынский не следует слепо за образцом. Он продолжает, развивает и трансформирует романтическую традицию. Так в русскую литературу входит новый герой, наделенный «инаковостью – следом своего байронического происхождения» [4, с. 147]. Взяв «психологический тип» романтического героя, Баратынский «изъял его из экзотического контекста и поместил в “онегинскую” – светскую – обстановку» [4, с. 147]. Однако назвать Арсения главным героем «Бала» нельзя. Баратынский обманывает ожидания читателя. Центральное место в повествовании занимает образ Нины (княгини, «светской львицы»). Внимание автора сосредоточено именно на ее характере и судьбе. Нина – главная героиня романтической поэмы Баратынского, и в это художественное открытие поэта [см.: 4, с. 136–143].

Тема светской жизни также оказывается главной в повествовании «Графа Нулина». Она раскрывается на примере центрального персонажа. «Нулин – воплощение "светской суеты"» [9, с. 59]. В тексте обнаруживается несоответствие между образом графа и местом действия поэмы. Манеры поведения Нулина в доме провинциальных дворян (как и манеры самой хозяйки) напоминают прием в светских гостиных Москвы или Парижа. Наряду с этим образ графа содержит в себе черты романтического героя. Нулин, как и Арсений, возвратился из «чужих краев» (мотив «бегства – возвращения»). Он одинок, разочарован («Святую Русь бранит» [8, с. 241]), сознательно пренебрегает правилами приличия, принятыми в светском обществе [см.: 9, с. 66–80].

Наиболее ярко соединение черт денди и романтического героя проявляется в создании портрета. Здесь опять же важную роль играет лексический уровень. В отличие от текста Баратынского, описание внешнего облика персонажа – одна из главных составляющих художественного образа – в начале поэмы Пушкина отсутствует (минус-прием). Можно

предположить, что это способ характеристики образа, связанного со значением фамилии Нулин («ничто», «никакой»). Внешний облик героя, как и его личность, ничем не примечателен. Однако отдельные элементы портрета Нулина даны в конце поэмы. Граф показан здесь в несвойственной для себя роли. Он смущен и подавлен после комичной ночной сцены:

Восстав поутру молчаливо,
Граф одевается лениво,
Отделкой *розовых ногтей*
Зевая занялся небрежно,
И *галстук* вяжет непринужденно,
Не гладит *стриженных кудрей*...
(курсив мой – Е.И.) [8, с. 246]

В описании графа Нулина нет черт, выражающих личностную индивидуальность («чело», «очи» – «минус-прием»), что отличает этот образ от характеристики образа Арсения. Внимание автора сосредоточено на внешних элементах («розовые ногти», «галстук», «стриженные кудри»). Это детали облика светского щеголя. Тот факт, что Нулин относится к ним небрежно, свидетельствует о психологическом напряжении. Герой эмоционально подавлен, поэтому ведет себя непривычно для самого себя. Даже мысли героя таковы, что растерян и повествователь, еще совсем недавно цитирующий внутренние монологи Нулина. Сейчас он не может их «прочитать». После ночного унижения граф просыпается другим человеком. И в этот момент Нулин отбрасывает «привычки фата и щеголя» и надевает маску разочарованного романтического героя («точнее <...> он мнит себя таковым» [9, с. 114]). Отталкиваясь от романтической традиции, Пушкин выражает внутренние переживания героя («...сгорел граф Нулин со стыда...» [8, с. 246]) через внешние факторы.

Выводы

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, несмотря на то, что совместная публикация «Бала» и «Графа Нулина» авторами не планировалась заранее, выход издания в 1828 г. не был случаен. Книга «Две повести в стихах» – еще одно доказательство внутренней схожести, взаимообусловленности творческого мира Баратынского и Пушкина.

Во-вторых, благодаря совместному изданию, включившему поэмы «Бал» и «Граф Нулин» в один контекст, проявилось то, что при отдельном прочтении могло бы остаться незамеченным. Прежде всего, способы освоения и преодоления поэтами жанра романтической поэмы. Если Баратынский продолжает и развивает романтическую традицию (соединяет в тексте романтическую стилистику и бытописание, дает исчерпывающую мотивировку типу романтического характера, вводит новый для поэмы образ романтической героини), то Пушкин отталкивается от законов романтизма (снижает значимость элементов романтической поэмы («обнуляет»), лишает образ героя психологической глубины, вводит образ авто-

ра-повествователя). Оба поэта индивидуальны. Следование по схожему пути приводит их к разным художественным открытиям.

В-третьих, книга «Две повести в стихах», а также возникшая вокруг нее полемика обусловили дальнейшее развитие творчества обоих авторов. Баратынский, сохраняя свою оригинальность в выборе тем, мотивов, образов героев, остается приверженцем романтизма. Пушкин идет по пути от поэзии к прозе, от романтизма к реализму.

Литература

1. Андреевская Л. Поэмы Баратынского // Русская поэзия XIX века: Сб. ст. / под ред. и с предисл. Б.М. Эйхенбаума и Ю.Н. Тынянова. Л., 1929. Вып. 13. С. 74–102.
2. Баратынский Е. А. Стихотворения и поэмы / Предисл. К. Пигарева. М., 1971.
3. Бочаров С. Г. «Обречен борьбе верховной...» (Лирический мир Баратынского) // Бочаров С.Г. О художественных мирах. М., 1985. С. 69–123.
4. Виrolainen М.Н. Творческая история двух стихотворных повестей // Две повести в стихах. Е. А. Баратынский. Бал. А. С. Пушкин. Граф Нулин. СПб., 2012. С. 89–209.
5. Кулагин А.В. Пушкинский замысел статьи о Баратынском // Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. СПб., 1991. Вып. 24. С. 162–175.
6. Лихачев Д.С. Избранные работы: в 3 т. Л., 1987. Т. 3.
7. Манн Ю.В. Поэмы Баратынского // Манн Ю.В. Динамика русского романтизма. М., 1995. С. 165–193.
8. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. / под ред. Б.В. Томашевского. М.; Л., 1949.
9. Сретенский В.М. Псевдолотман: историко-бытовой комментарий к поэме А.С. Пушкина «Граф Нулин». М., 2010.
10. Эткинд Е.Г. Проза о стихах. СПб., 2001.

References

1. Andreevskaya L. Poehmy Baratynskogo [Poems by Baratynsky]. *Russkaya poehziya XIX veka* [Russian poetry of the 19th century]: Sb. st. / pod red. i s predisl. B.M. Ehjhenbauma i Yu.N. Tynyanova. Leningrad, 1929, Vol. 13, pp. 74–102.
2. Baratynskii E. A. *Stihotvoreniya i poehmy* [Poems]. Predisl. K. Pigareva. Moscow, 1971.
3. Bocharov S. G. «Obrechen bor'be verhovnoi...» (Liricheskii mir Baratynskogo) ["Doomed to eternal struggle ..."] (The lyrical world of Baratynsky). *Bocharov S.G. O hudozhestvennyh mirah* [About the artistic worlds]. Moscow, 1985, pp. 69–123.
4. Virolainen M.N. *Tvorcheskaya istoriya dvuh stihotvornykh povestei* [History of creation of two poetic stories]. *Dve povesti v stihah. E.A. Baratynskii. Bal. A.S. Pushkin. Graf Nulin* [Two stories in verses. E.A. Baratynsky. Ball. A.S. Pushkin. Count Nulin]. St. Petersburg, 2012, pp. 89–209.
5. Kulagin A.V. *Pushkinskii zamysel stat'i o Baratynskom* [Pushkin's plan of the article about Baratynsky]. *Vremennik Pushkinskoi komissii* [Chronicle of the Pushkin commission]. St. Petersburg, 1991, Vol. 24, pp. 162–175.
6. Lihachev D.S. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Leningrad, 1987, Vol. 3.
7. Mann Yu.V. *Poehmy Baratynskogo* [Baratynsky's poems]. *Mann Yu. V. Dinamika russkogo romantizma* [Dynamics of the Russian romanticism]. Moscow, 1995, pp. 165–193.

8. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t. / pod red. B.V. Tomashevskogo* [Collected edition]. Moscow ; Leningrad, 1949.

9. Sretenskii V. M. *Psevdolotman: istoriko-bytovo kommentarii k poeme A. S. Pushkina «Graf Nulin»* [Psevdolot-

man: historical and social comment on A.S. Pushkin's poem "Count Nulin"]. Moscow, 2010.

10. Ehtkind E.G. *Proza o stihah* [Prose about verses]. St. Petersburg, 2001.

УДК 82. 09

И. В. Мотейунайте

Псковский государственный университет

БИБЛЕЙСКАЯ АЛЛЮЗИЯ В РАССКАЗЕ В.В. НАБОКОВА «ГРОЗА»

В статье рассматривается функция библейской аллюзии из Четвертой Книги Царств в рассказе В. Набокова «Гроза». Эпизод наследования пророческой силы Илии Елисеем обыгрывается в сюжете рассказа с целью осмысления феномена поэтического дара. В статье анализируются игровые приемы и организация художественного пространства. Контекст – использование Ветхого Завета Набоковым – обнажает специфичность его поэтики, обусловленную важностью эстетической проблематики, а также его концепцию человека: самодостаточного одиночки, счастливо наделенного творческими способностями.

В.В. Набоков, рассказ «Гроза», библейские аллюзии.

In the article the function of a bible allusion from the Fourth Book of Kingdoms in V. Nabokov's story «The Storm» is considered. The story plot is based on the episode of inheritance of Eli's prophetic force by Eliseus. Nabokov used it to analyze a phenomenon of poetic gift. In the article game devices and the organization of artistic space are analyzed. The context (use of the Old Testament by Nabokov) highlights the specificity of his poetics which is caused by importance of the esthetic problems, and also his concept of the person: the self-sufficient single one who is happy thanks to his creative abilities.

V.V. Nabokov, story «The Storm», bible allusion.

Введение

Рассказ В.В. Набокова «Гроза» входит в сборник «Возвращение Чорба» (1930) и интересен, как и другие ранние рассказы, своей «лабораторностью»: средствами малой формы автор оттачивал модели, развитые позднее в форме романной [2, с. 414–415]. В «Грозе» отчетливо проявлена специфика набоковского художественного мира: центральность темы творчества, игровая поэтика, двоемирие в организации художественного пространства. Однако один момент рассказа довольно необычен для творчества Набокова: обращение к Священному Писанию. Библия не была для писателя учебником жизни и настольным чтением, тем интереснее оказывается его интерпретация библейского сюжета, выявляющая авторскую самобытность.

Основная часть

Действие «Грозы» происходит в сжатый временной промежуток: вечер и ночь. Автор останавливается на ночной грозе, продолжая давнюю традицию репрезентации в тексте прозрений человека в темное время суток; ночь нужна автору для обнажения душевных глубин или проникновения в иные сферы. Наблюдая невероятно красивое природное явление и становясь участником фантастического происшествия, герой-рассказчик переживает душевное потрясение, которое, однако, как будто не отражено им. В тексте преобладают пластичные образы, завораживающие героя и читателя; восприятие внешнего мира за счет выразительности описаний доминирует над его осознанием. Описания в «Грозе»

подчеркивают стремительность течения времени; яркость грозы и необычность сопутствующего происшествия словно затмевают смысл события в судьбе героя. Набоков часто так поступает и в романах, приглашая читателя к разгадыванию смысла, утопленного и тщательно распыленного в сверкающей ткани текста.

По воле автора, происходящее с героем связывается с библейским пластом культуры. Набоков выбирает эпизод из Четвертой Книги Царств (2; 2-10); это финал истории Пророка Илии: его вознесение и передача милоти, символизирующей власть над природными силами, ученику – Елисею. Восприятие Ветхого Завета русским сознанием XIX века – тема весьма актуальная и для литературы, и для науки XX столетия. На русской почве различие двух частей Писания отражено в оппозиции Закона и Благодати; Бога карающего и Бога милующего; стихийного, страстного мироощущения и просветленно-смиренного. Наиболее яркие примеры здесь – творчество В.В. Розанова в начале XX в., а также работы И.А. Есаулова [3]. В самом общем смысле Евангелие воспринимается русской литературой как кристаллизация этических норм; вспомним, например, финалы «Преступления и наказания», «Анны Карениной» и «Воскресения». Рецепции же Ветхого Завета разнообразней. В соответствующей статье энциклопедии «Мифы народов мира» говорится об эстетическом влиянии его на культуру: подчеркивается заимствование и интерпретация тем, сюжетов и образов [6]. Поэтому представляется возможным говорить о том, что даже сам выбор эпизода из Ветхого Завета по-